

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-84-100

КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА

Карасик Владимир Ильич

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия,

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Аннотация. Рассматривается коммуникативный сценарий как функциональная единица дискурса. Предлагается выделить пять подходов к пониманию, объяснению и описанию коммуникативных сценариев: структурно-композиционный, интерпретативно-тематический, субъектно-социальный, тонально-прагматический и ситуативно-режимный. Структурно-композиционный подход представляет собой изучение коммуникативного сценария с позиций изложения коммуникативных ходов, объяснения поведенческих норм и описания жанрового характера этого события. Интерпретативно-тематический подход к исследованию коммуникативного сценария позволяет выделить и описать его фактуальную, концептуальную и имплицитно-подтекстовую информацию. Субъектно-социальный подход дает возможность охарактеризовать типы языковых личностей и присущее им коммуникативное поведение применительно к разным ситуациям. Тонально-прагматический подход направлен на описание типов коммуникативной тональности; с этих позиций рассматриваются модусные индикаторы речи, позволяющие охарактеризовать драматургическую организацию дискурса. Ситуативно-режимный подход к пониманию и объяснению дискурса позволяет описать специфику коммуникативного сценария, обусловленную внешними способами осуществления общения. Особенно значимыми в наши дни являются характеристики сетевого дискурса в публичном и приватном общении.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативный сценарий, коммуникативный ход, участник дискурса, тема дискурса, тональность дискурса, режим дискурса.

Для цитирования: Карасик, В. И. Коммуникативный сценарий как единица дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(60), 84–100. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-84-100>

Original article

UDC 81'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-84-100

COMMUNICATIVE SCENARIO AS A DISCOURSE UNIT

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia,

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Abstract. The paper deals with a communicative scenario (script) as a functional unit of discourse. Five approaches to understanding, explaining and describing communicative scripts have been proposed: structural-compositional, interpretive-thematic, subject-social, tonal-pragmatic and situational-mode. The structural-compositional approach is the study of a communicative scenario from the positions of outlining communicative moves, explaining behavioral norms and describing the genre character of this event. The interpretative-thematic approach to the study of a communicative scenario allows us to identify and describe its factual, conceptual and implicative-subtextual information. The subject-social approach makes it possible to characterize the types of linguistic personalities and their inherent communicative behavior in relation to different situations. The tonal-pragmatic approach is aimed at describing the types of communicative tone; from these positions the modus indicators of speech are considered, which allow characterizing the dramaturgical organization of discourse. The situational-mode approach to understanding and explaining discourse allows us to describe the specifics of the communicative scenario conditioned by external ways of communication implementation. Especially significant nowadays are the characteristics of network discourse in public and private communication.

Keywords: discourse, communicative scenario, communicative move, discourse participant, discourse topic, discourse tone, discourse mode.

For citation: Karasik, V. I. Communicative scenario as a discourse unit. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(60), 84–100. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-84-100>

Введение

В данной работе рассматриваются подходы к моделированию институционального дискурса. Изучению дискурса посвящено множество исследований в отечественной и зарубежной лингвистике (Борботько, 2011; Викулова, 2023; Демьянков, 2022; Золян, 2008; Карасик, 2004; Касавин, 2008; Кашкин, 2010; Кибрик, 1994; Клюканов, 2015; Кубрякова, 2000; Макаров, 2003; Манаенко, 2011; Олянич, 2004; Савицкий, 2013; Тарева, Дорохова, 2024; Тюпа, 2010; Чернявская, 2021; Blommaert, 2005; Duranti, 1985; Fairclough, 1992; Schiffrin, 1994; Slembrouck, 2019).

Под институциональным общением понимается интеракция его участников в рамках определенного социального института, т. е. системы устойчивых норм и форм социальной практики, регулирующих общественную жизнь в определенной сфере (ЭСС, 1995, с. 227). В качестве функциональной единицы институционального общения предлагается рассматривать коммуникативный сценарий — принятый в культуре образец поведения. В лингвокультурологии это социолингвистическое понятие трактуется как речеповеденческая тактика (Верещагин, Костомаров, 2005), бихевиорема (Oksaar, 1988), лингвокультурный сценарий, или скрипт (Вежбицкая, 2011).

Коммуникативный сценарий как единица дискурса представляет собой многомерное образование. Можно выделить различные измерения сценария в соответствии с аспектами дискурса как коммуникативного события.

Структурно-композиционный подход к изучению дискурса

В структурно-композиционном плане мы рассматриваем элемент коммуникативного поведения в определенной ситуации как последовательность интерактивных ходов. Такой подход соответствует классической модели описания речевых актов в прагмалингвистике. Но речеактовая характеристика сценария сводится только к формальному описанию его компонентов:

- Извини, забыл тебе вчера перезвонить — были срочные дела.
- Ладно, ничего.

Мы видим в этой речеактовой цепочке последовательность ходов «извинение – объяснение – прощение».

Более сложная модель описания сценария состоит в аксиологической интерпретации ситуации и интерактивных ходов:

— Уважаемые коллеги! Понимаю, что опоздал с подачей заявки на конференцию, но прошу рассмотреть возможность включения моего доклада в программу организуемого вами форума.

— К сожалению, мы вынуждены сообщить вам, что не сможем выполнить вашу просьбу, поскольку материалы сборника уже прошли редактирование и отданы в печать.

Объяснение норм поведения в этой коммуникативной ситуации может быть построено следующим образом: заявки для участия в научном мероприятии принимаются до определенного времени, указанного в информационном извещении. Иногда организаторы конференции принимают такие заявки от опоздавших коллег. В том случае, когда материалы конференции уже прошли редактирование и сборник сверстан, опоздавшим обычно сообщают, что их просьба отклоняется. Зная о том, что некоторым коллегам свойственно опаздывать с подачей заявки, известный отечественный лингвист И. А. Стернин, организовавший большое количество конференций, с присущим ему юмором указывал в информационном извещении: «Дедлайн на самом деле до...». Аксиологический комментарий объясняет нормы культуры и обстоятельства конкретной ситуации применительно к тому или иному сценарию поведения.

Комплексная структурно-композиционная характеристика коммуникативного сценария предполагает описание его жанровых особенностей: его цели, типовых участников, возможного хронотопа, текстотипов и формульных выражений, присущих соответствующему жанру (Дементьев, 2024).

Приведем в качестве примера фрагмент официального письма оппоненту от диссертационного совета:

Уважаемый (имя и отчество)! Диссертационный совет (шифр диссертационного совета) по филологическим наукам при (название университета) просит Вас дать официальный отзыв по диссертации (фамилия, имя, отчество) на тему «(название диссертации)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Согласно п. 23 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. просим отразить в отзыве: 1. Актуальность темы диссертации. 2. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций; их достоверность и новизну, соответствие диссертационным критериям, установленным упомянутым Положением. 3. Значимость для науки и практики полученных автором диссертации результатов. 4. Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации.

Председатель диссертационного совета (фамилия, имя, отчество)

Печать учреждения

Цель этого коммуникативного события — официальное приглашение специалиста для выступления в качестве оппонента на защите диссертации, участники этого сценария — официальные лица, имеющие право организовать защиту и принять в ней участие, место и время фиксируются в документе, текстотип включает в себя формульные выражения, используемые в подобных документах, документный статус такого коммуникативного события подтвержден исходящим номером, датой и печатью учреждения.

Любой сценарий может быть рассмотрен в композиционно-структурном плане с этих трех позиций: как изложение последовательности коммуникативных

ходов, как объяснение поведенческих норм и как описание жанрового характера этого сценария.

Интерпретативно-тематический подход к изучению дискурса

Сценарий можно рассматривать в интерпретативно-тематическом плане. В этом случае он определяется по модели интерпретации текста, предложенной И. Р. Гальпериним, — фактуальная, концептуальная и подтекстовая характеристики информации (Гальперин, 1981). Фактуальная характеристика сценария сводится к его теме. Это может быть любой текст в определенной коммуникативной ситуации. Мы должны понять, о чем идет речь.

— Простите, Вы не скажете, как мне пройти на улицу Бутлерова?

— Вам нужно пройти вперед до светофора и потом повернуть направо.

Подобный запрос информации подразумевает стереотипный ответ.

Концептуальная информация представляет собой определение места этого текста в системе наших знаний о подобных текстах и типичных нормах поведения при участии в аналогичных интеракциях.

Показателен для таких текстов стандартный звонок телефонных мошенников:

— Здравствуйте, с вами говорит (звание, фамилия). Мы получили информацию о взломе вашего счета в банке.

В таких случаях рекомендуется немедленно прекратить общение.

Подтекстовая информация характеризует модусное содержание сценария — мы должны понять, нет ли в этом тексте подразумеваемого содержания. В развитие цитируемой модели с учетом известной концепции В. В. Дементьева о не прямой коммуникации (Дементьев, 2006) можно выделить три типа такой информации: импликатуру, включающую в себя намеки, или эвфемизмы; инференцию, требующую понимания широкого контекста общения; собственно подтекст как эмоционально-стилевое содержание общения.

Примером простой импликации в виде намека может быть фраза матери напавшему ребенку:

— *Кто-то сегодня будет наказан.*

Инференция требует понимания ситуации с учетом дополнительной информации:

«С выходом на пенсию свистеть в доме можно сколько угодно».

Мы знаем о примете, согласно которой нельзя свистеть в доме — денег не будет. В этой грустно-юмористической фразе говорится о том, что размер пенсий слишком мал.

Собственно подтекстовая информация в коммуникативном событии может быть проиллюстрирована следующим примером:

«Здороваясь с другими, выпускай все предыдущие руки» (М. Жванецкий).

В этой фразе содержится критика тех людей, которые сверх меры пытаются застраховаться от возможных неприятностей.

Интерпретативно-тематический подход к коммуникативному сценарию дает возможность дополнить его структурно-композиционную характеристику.

Субъектно-социальный подход к изучению дискурса

Следующий подход к моделированию образцов коммуникативного поведения может быть обозначен как субъектно-социальный. В фокусе рассмотрения оказываются языковые личности участников общения (Денисенко, 2010; Караулов, 2010; Пушкин, 1990; Сухих, 1998). Разработанные модели языковых личностей в лингвистике представлены четырьмя основными концепциями. Первая концепция, предложенная Ю. Н. Карауловым, сориентирована на описание языковой личности с позиций используемых этой личностью языковых средств, прежде всего лексических. В языковом сознании предложено выделять лексикон, семантикон и прагматикон как личностно значимые единицы общения, их содержательный минимум и ситуативно-личностное расширение в конкретной ситуации общения, т. е. переход значения в смысл. Вторая концепция, менее известная в отечественной лингвистике, предложена С. А. Сухих, который противопоставляет три уровня описания языковой личности — экспонентный, субстанциональный и интенциональный: «На экспонентном уровне языковая личность может быть описана как активная или пассивная (созерцательная), персуативная (убеждающая) или голословная; на субстанциональном уровне ей присущи качества конкретности или абстрактности, аналитичности или синтетичности; на интенциональном уровне находят выражение такие её черты как юмористичность или буквальность, конфликтность или кооперативность, директивность или интегративность» (Сухих, 1998, с. 18). Эта модель является психолингвистической в своей основе. Исследователь выделил языковые личности на основании доминирующих способов воздействия на адресата, противопоставив общий формат воздействия, аргументативную специфику и эмоциональную тональность коммуникации. Третью модель можно определить как лингвокультурную: это изучение и описание коммуникативного поведения лингвокультурных типажей, узнаваемых типизируемых модельных личностей, выделяемых в том или ином обществе в ту или иную эпоху (примерами этнокультурных типажей могут быть русский интеллигент, американский ковбой, китайский народный врачеватель; говоря

о социокультурных типажах, мы имеем в виду учительницу начальных классов, кинозвезду, хакера и т. д.) (Карасик, Дмитриева, 2005). Четвертая модель состоит в противопоставлении личностного и статусного дискурса как проявления языковой личности, такое социолингвистическое измерение общения позволяет описать коммуникативные сценарии, используемые в речи между людьми, хорошо знающими друг друга (семья, друзья, близкие знакомые), и людьми как представителями той или иной социальной группы (обычно имеется в виду институциональный дискурс — политический, научный, религиозный, педагогический и др.) (Карасик, 2004).

Подчеркнем, что реальная коммуникация представляет собой принципиально многомерное явление и подход к ее описанию, включая описание коммуникативного сценария, — это один из возможных исследовательских приемов. Приведу примеры субъектно-социального описания речеповеденческих тактик.

— Здравствуйте! Инспектор Данилов. Прошу вас предъявить водительские права.

— Добрый день! А я что-то нарушил?

В диалоге с автодорожным инспектором водитель автотранспорта демонстрирует намерение установить доброжелательный формат диалога с представителем власти и вместе с тем определить, в чем заключается причина остановки. Автодорожный инспектор является для многих носителей русской лингвокультуры узнаваемым социокультурным типажом, неслучайно появился мем в виде диалога:

— Командир, может быть, договоримся?

— Даже не знаю, что вам сказать.

Мы понимаем подтекст этого диалога.

Субъектно-социальный подход к изучению дискурса учитывает типы традиционных лингвокультурных скриптов и способов воздействия, принятых в определенной лингвокультуре (Моторина, 2014; Стернин, 2001).

Социолингвистическое моделирование педагогического дискурса предполагает выделение его институциональных, профильных и предметных характеристик (Бейлинсон, 2009). Институциональные признаки включают в себя социальную практику, продвижение норм и ценностей института, выражение типичных взаимных ожиданий его участников и поддержание границы между агентами и клиентами этого института. В фокусе изучения оказываются социокультурные характеристики коммуникативного действия (Митягина, 2007). Эти характеристики соответствуют типам социального действия, описанным Ю. Хабермасом (Habermas, 1984), а именно целерациональному, ритуальному, драматургическому и коммуникативному измерениям того или иного действия. Например, преподаватель объясняет студентам новое для них грамматическое явление в изучаемом иностранном языке. В целерациональном плане это коммуникативное действие,

направленное на усвоение нового знания и выработку определенных умений и навыков. В ценностном плане это продвижение идеи о важности усвоения этой информации, ее актуальности в реальном общении. В драматургическом аспекте это поведение преподавателя и студентов в соответствии со стереотипными образцами подобного взаимодействия — манеры, интонация, жестикация, поддержание определенного коммуникативного стиля. В коммуникативном аспекте это реальное языковое и поведенческое воплощение соответствующего фрагмента общения. В качестве реального объекта наблюдения мы видим именно коммуникативный аспект любого общения, но объясняя его цели и способы реализации, мы раскрываем и его другие стороны. При этом мы обращаем особое внимание на них в том случае, если возникает тот или иной коммуникативный сбой.

Профильные признаки любого институционального дискурса сводятся к его предметной сфере, которая в речи профессионально подготовленных коммуникантов отличается детализацией, к выбору когнитивного инструментария для решения той или иной задачи, т. е. способов реализации поставленной цели, к оценке процесса и результатов совместной деятельности и знакам самопрезентации. Эти признаки являются уточнением институциональных сторон общения. Профессиональный дискурс привлекал внимание лингвистов (Викулова, Короленко, 2018; Голованова, 2013; Казачкова, 2010; Сулейманова, 2018). Проиллюстрируем сказанное на примере общения студента-филолога (С.) и преподавателя (П.) во время экзамена по лексикологии.

С.: Билет 12. Первый вопрос: Лексическое значение слова.

П.: Пожалуйста.

С.: Лексическое значение — это отражение в содержании слова предмета или явления реальности.

П.: Например?

С.: Стол — это предмет мебели с плоской поверхностью и ножками, используемый для еды или работы.

П.: Каким образом выражается значение?

С.: Значение выражается в форме слова и определении смысла слова.

П.: Постарайтесь отвечать без наводящих вопросов. Как соотносятся значение и смысл?

С.: Смысл — это значение в конкретной ситуации.

П.: Какова структура значения слова?

С.: Значение слова состоит из его компонентов, которые называются семы. Например: Воробей — маленькая птица, издающая чирикающие звуки и живущая в городе. В словаре дается более точное определение значения этого слова.

П.: Что Вы можете сказать о соотношении значения и понятия?

С.: Если я не ошибаюсь, речь идет о соотношении денотата и сигнификата. Денотат — это называемый объект, а сигнификат — это его признаки, которые образуют понятие.

П.: Есть ли что-то еще в значении слова кроме денотата и сигнификата?

С.: Да, вспомнил! Это коннотация, дополнительный смысл, переносное значение. Например, змея — коварный человек.

П.: Правильно. А какие типы коннотаций существуют?

С.: Не могу вспомнить.

П.: Жаль, ладно, переходите ко второму вопросу.

В приведенном текстовом фрагменте из картотеки записей устной речи в профессиональном общении преподавателя и студента в жанре «экзамен» можно увидеть детализацию обсуждаемой темы, преподаватель использует термины, студент дает определения и приводит примеры. Преподавателю приходится задавать наводящие вопросы, прямо оценка выражена только в одном месте («*жаль*»). Самопрезентация преподавателя выражена в ведении этого диалога, речь студента выдержана в рамках строго институционального общения, но в отличие от речи преподавателя включает модальные знаки понижения категоричности («*если не ошибаюсь*») и выражения эмоций («*Да, вспомнил!*»).

Предметные признаки педагогического дискурса в его любом жанре и в любом конкретном сценарии состоят в профессионально значимом обозначении предмета речи и представляют собой уточнение профильных признаков. Например, преподаватель объясняет специфику скрытых грамматических категорий:

П.: Как Вы думаете, почему при изучении английского языка наши студенты испытывают большие трудности в освоении видовременных форм Present Perfect, но сразу же понимают семантику Present Continuous?

С.: Потому что Continuous проще.

П.: Попробуйте найти другое объяснение. Может быть, в русской грамматике есть что-то похожее?

С.: Из-за форм неправильных глаголов в перфекте?

П.: Это отчасти верно, но главная причина в другом. В русской грамматике есть сфера глаголов движения, в рамках которой четко противопоставляются действие в данный момент и действие вообще (я иду – я хожу, я лечу – я летаю, я бегу – я бегаю и т. д.). Видите аналогию? А аналогии с перфектом у нас нет.

В этом диалоге уточняются знания студентов по грамматике и показана рекомендация использовать межъязыковое сравнение как объяснительный ориентир для понимания своего и чужого языков.

Тонально-прагматический подход к изучению дискурса

Четвертый подход к моделированию коммуникативных сценариев можно определить как тонально-прагматический, он состоит в выявлении и объяснении типов коммуникативной тональности в дискурсе. Такая тональность может быть серьезной и шутливой, информативной или фатической, естественной или ритуальной, рационально-логической или фасцинативной и др. Выделение типов тональности связано с противопоставлением диктума и модуса, т. е. сообщения о факте и выражения своего отношения к этому факту (Балли, 1955).

Описание типов тональности может быть представлено как характеристика коммуникативной ситуации и вытекающая отсюда манера поведения либо как объяснение семантики наречия образа действия при глаголе речи (*он сказал иронически, прямолинейно, задумчиво* и т. д.).

Сущность коммуникативной тональности сопряжена с самопрезентацией и драматургической организацией общения. В этой связи заслуживают внимания автокомментарии в речи участников коммуникации. Например, во время семинара студентка говорит:

— Как я уже сказала, и как писал Маркс...

Эта реплика вызвала улыбку у студентов и преподавателей.

Заслуживают внимания выделенные и описанные Н. В. Богдановой-Бегларян модусные индикаторы коммуникативной тональности: аппроксиматоры, разграничители, дейктики, заместители, ксенопоказатели, метакоммуникативы, рефлексивы, гезитативы и др. Для русской разговорной диалогической речи характерны такие маркеры, как *вот, значит, там, как бы, короче, вообще* и др. (Богданова-Бегларян, 2014). Эти единицы трактуются как дискурсивные слова (Баранов и др., 1993; Борисова, 2021; Каменский, 2014; Красса, 2006; Правикова, 2000). К числу тональных индикаторов профессиональной речи педагога можно отнести четкость артикуляции, интонационные образцы публичной речи (лекторский тон), избегание просторечия, умеренное использование специальной терминологии, грамматическую и стилистическую правильность речи. Важнейшей профессионально значимой характеристикой манеры речи преподавателя является адаптация содержания материала к уровню учащихся (Первухина, 2014).

Ситуативно-режимный подход к изучению дискурса

Пятый подход к изучению коммуникативных сценариев может быть обозначен как ситуативно-режимный. В этом случае речевое событие рассматривается в противопоставлении устного и письменного, контактного и дистантного, обычного и протокольного общения. Если тонально-прагматическое описание дискурса сосредоточено на выявлении и объяснении модусных признаков общения, то ситуативно-режимное изучение коммуникации обусловлено внешними способами его осуществления. В этой связи особенно интересны характеристики сетевого дискурса, который в наши дни стал неотъемлемой частью повседневной жизни. В рамках этого дискурса можно выделить его жанры: демонстративы (самопрезентации участников общения), репортативы (изложения актуальных проблем и новостей), социативы (общение с людьми, имеющими близкие интересы), агитативы (продвижение определенных идей и товаров), креативы (рассылку своих творческих произведений),

инструктивы (получение рекомендаций и советов по разным вопросам), прескриптивы (обсуждение различных назиданий и мудрых высказываний), аттрактивы (размещение в Сети различных текстовых и мультимедийных материалов для того, чтобы развлечь широкую аудиторию) (Карасик, 2025). В педагогическом дистантном дискурсе активно используются многие из этих жанров. В научной литературе высказано мнение о том, что сетевое профессиональное педагогическое общение в ряде случаев способствует сокращению коммуникативной дистанции между преподавателями и студентами (Абиева, 2023). Это относится к парадоксальным ситуациям, когда студенты помогают преподавателю решить техническую проблему компьютерного сбоя. Разумеется, дистантное общение не должно вытеснить естественную коммуникацию в аудиториях, поскольку, как известно, в устном общении значительная часть информации передается в невербальной форме.

Заключение

В рамках дискурса как текста, погруженного в ситуацию общения, можно выделить его функциональную единицу — коммуникативный сценарий. Такие сценарии, как и дискурс в целом, представляют собой многомерное коммуникативное событие. Предлагается выделить пять подходов к пониманию, объяснению и описанию коммуникативных сценариев: структурно-композиционный, интерпретативно-тематический, субъектно-социальный, тонально-прагматический и ситуативно-режимный. Структурно-композиционный подход представляет собой изучение коммуникативного сценария с позиций изложения коммуникативных ходов, объяснения поведенческих норм и описания жанрового характера этого события. Интерпретативно-тематический подход к исследованию коммуникативного сценария позволяет выделить и описать его фактуальную, концептуальную и имплицитно-подтекстовую информацию. Субъектно-социальный подход дает возможность охарактеризовать типы языковых личностей и присущее им коммуникативное поведение применительно к разным ситуациям. В рамках этого подхода используются различные исследовательские модели, разработанные в лингвоперсонологии с учетом достижений в лингвистической семантике, психолингвистике и социолингвистике. Тонально-прагматический подход направлен на описание типов коммуникативной тональности, с этих позиций рассматриваются модусные индикаторы речи, позволяющие охарактеризовать драматургическую организацию дискурса. Ситуативно-режимный подход к пониманию и объяснению дискурса позволяет описать специфику коммуникативного сценария, обусловленную внешними способами осуществления общения. Особенно значимыми в наши дни являются характеристики сетевого дискурса в публичном и приватном общении. Эти подходы взаимодополнительны.

Список источников

1. Борботько, В. Г. (2011). *Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике*. 4-е изд. Либроком.
2. Викулова, Л. Г. (2023). Издательский дискурс в системе профессиональной коммуникации. *От слова к дискурсу: взаимодействие слов и (не)предсказуемость смыслов* (с. 8–10). Тезисы международной научной конференции. Минский государственный лингвистический университет.
3. Демьянков, В. З. (2022). Нарратив и дискурс. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (4), 5–16.
4. Золян, С. Т. (2008). Язык и дискурс. *Язык сквозь призму культуры* (с. 3–12). Тезисы международной конференции. Лингва.
5. Карасик, В. И. (2004). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Гнозис.
6. Касавин, И. Т. (2008). *Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка*. Канон+.
7. Кашкин, В. Б. (2010). *Введение в теорию дискурса*. Восточная книга.
8. Кибрик, А. А. (1994). Когнитивные исследования по дискурсу. *Вопросы языкознания*, (5), 126–139.
9. Клюканов, И. Э. (2015). Природа коммуникации. *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*, 1(14), 6–13.
10. Кубрякова, Е. С. (2000). О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты* (с. 7–25). Сборник обзоров. ИНИОН РАН.
11. Макаров, М. Л. (2003). *Основы теории дискурса*. Гнозис.
12. Манаенко, Г. Н. (2011). Лингвистические координаты понятия «дискурс». *Вопросы когнитивной лингвистики*, (4), 83–92.
13. Олянич, А. В. (2004). *Презентационная теория дискурса*. Монография. Парадигма.
14. Савицкий, В. М. (2013). *Порождение речи: дискурсивный подход*. Монография. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.
15. Тарева, Е. Г., & Дорохова, А. М. (2024). Современный межкультурный дискурс: статус в лингводидактике. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 124–135.
16. Тюпа, В. И. (2010). Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. *Языки славянской культуры*.
17. Чернявская, В. Е. (2021). *Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения*. Ленанд.
18. Blommaert, J. (2005). *Discourse. A critical introduction*. Cambridge University Press.
19. Duranti, A. (1985). Sociocultural dimensions of discourse. In T. A. van Dijk (Ed.). *Handbook of discourse analysis*. Vol. 1, 193–230. Academic Press.
20. Fairclough, N. (1992). Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis. *Discourse and Society*, (3), 192–217.
21. Schiffrin, D. (1994). *Approaches to discourse*. Oxford University Press.
22. Slembrouck, S. (2019). Discourse analysis. *The routledge handbook of linguistic ethnography* (p. 28–39). K. Tusting (Ed.). Routledge.
23. Осипов, Г. В. (Ред.). (1995). *Энциклопедический социологический словарь*. Институт социально-политических исследований. (ЭСС).

24. Верещагин, Е. М., & Костомаров, В. Г. (2005). Язык и культура. *Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*. Индрик.
25. Oksaar, E. (1988). *Kultuuremteorie: ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung*. Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften.
26. Вежбицкая, А. (2011). *Семантические универсалии и базисные концепты*. Языки славянских культур.
27. Дементьев, В. В. (2024). *Интегральное описание речевых жанров*. Издательство Саратовского университета.
28. Гальперин, И. Р. (1981). Текст как объект лингвистического исследования. Наука.
29. Дементьев, В. В. (2006). Непрямая коммуникация. Гнозис.
30. Денисенко, В. Н. (2010). Моделирование системы языка в аспекте языковой личности. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, (1), 6–12.
31. Караулов, Ю. Н. (2010). *Русский язык и языковая личность*. 7-е изд. Издательство ЛКИ. 264 с.
32. Пушкин, А. А. (1990). Способ организации дискурса и типология языковых личностей. *Язык, дискурс и личность* (с. 50–59). ТГУ.
33. Сухих, С. А. (1988). *Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Ун-т «МЭГУ-Краснодар»]. РГБ.
34. Карасик, В. И., & Дмитриева, О. А. (2005). Лингвокультурный типаж: к определению понятия. *Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажы* (с. 5–25). Сборник научных трудов. Парадигма.
35. Моторина, Н. В. (2014). *Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии*: [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоградск. гос. социально-пед. ун-т]. РГБ.
36. Стернин, И. А. (2001). *Введение в речевое воздействие*. Издательство Воронежского университета.
37. Бейлинсон, Л. С. (2009). *Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы*. Монография. Перемена.
38. Митягина, В. А. (2007). *Социокультурные характеристики коммуникативного действия*. Монография. Издательство ВолГУ.
39. Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action. Vol. I. Reason and the rationalization of society*. Heinemann.
40. Викулова, Л. Г., & Короленко, О. И. (2018). Академический дискурс: диахронический вектор коммуникативной практики XVII–XVIII веков (Франция). *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* (с. 133–160). О. А. Сулейманова (Отв. ред.). Ленанд.
41. Голованова, Е. И. (2013). Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: Соотношение понятий. *Вестник Челябинского государственного университета*, 1(292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73, 32–35.
42. Казачкова, М. Б. (2010). *Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры*. Монография. ОГИ.
43. Сулейманова, О. А. (2018). Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим. *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* (с. 180–198). О. А. Сулейманова (Отв. ред.). Ленанд.

44. Балли, Ш. (1955). *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. (Е. В. и Т. В. Вентцель, пер.; Р. А. Будагов, ред., вступ. статья и примеч.). Издательство иностранной литературы.
45. Богданова-Бегларян, Н. В. (2014). Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология. *Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология*. Вып. 3(27), 7–20.
46. Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., & Рахилина, Е. В. (1993). *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. Помовский и партнеры.
47. Борисова, Е. Г. (2021). Дискурсивные маркеры в тексте как признак диалогичности. *Антропологический поворот: теории и практики* (с. 18–25). Сборник трудов международной научной конференции.
48. Каменский, М. В. (2014). *Дискурсивные маркеры: когнитивно-дискурсивный подход*. Монография. Издательство СКФУ.
49. Красса, С. И. (2006). Дискурсивные и неполнозначные слова. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, (4), 31–34.
50. Правикова, Л. В. (2000). Дискурсивные маркеры: современное состояние проблемы. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, (4), 22–34.
51. Первухина, С. В. (2014). *Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста*. Монография. РГУПС.
52. Карасик, В. И. (2025). *Языковые картины бытия*. Монография. Гнозис.
53. Абиева, Н. Р. (2023). Лингво-прагматические особенности онлайн-дискурса преподавателя английского языка: этап открытия новых знаний. *Когнитивные исследования языка*, 4(55), 167–170.

References

1. Borbotko, V. G. (2011). *Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguosynergetics*. 4th ed. Librokom. (In Russ.).
2. Vikulova, L. G. (2023). Publishing discourse in the professional communication system. *From word to discourse: the interaction of words and the (non)predictability of meanings* (p. 8–10). Abstracts of the international scientific conference. Minsk State Linguistic University. (In Russ.).
3. Demyankov, V. Z. (2022). Narrative and discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, (4), 5–16. (In Russ.).
4. Zolyan, S. T. (2008). Language and discourse. *Language through the prism of culture* (p. 3–12). Abstracts of the international conference. Lingva. (In Russ.).
5. Karasik, V. I. (2004). *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Gnozis. (In Russ.).
6. Kasavin, I. T. (2008). *Text. The discourse. The context. An introduction to the social epistemology of language*. Kanon+. (In Russ.).
7. Kashkin, V. B. (2010). *Introduction to the theory of discourse*. Vostochnaya kniga. (In Russ.).
8. Kibrik, A. A. (1994). Cognitive research on discourse. *Voprosy` yazy`koznaniya*, (5), 126–139. (In Russ.).
9. Klyukanov, I. E. (2015). The nature of communication. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studie*, 1(14), 6–13. (In Russ.).

10. Kubryakova, E. S. (2000). On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics. *Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects* (p. 7–25). Collection of reviews. INION RAS. (In Russ.).
11. Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of the theory of discourse*. Gnozis. (In Russ.).
12. Manaenko, G. N. (2011). Linguistic coordinates of the concept of «discourse». *Issues of Cognitive Linguistics*, (4), 83–92. (In Russ.).
13. Olyanich, A. V. (2004). *The presentation theory of discourse*. Monograph. Paradigm. (In Russ.).
14. Savitsky, V. M. (2013). *Speech generation: a discursive approach*. Monograph. Volga State Social and Humanitarian Academy. 226 p. (In Russ.).
15. Tareva, E. G., & Dorokhova, A. M. (2024). Modern intercultural discourse: status in linguodidactics. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 124–135. (In Russ.).
16. Tyupa, V. I. (2010). *Discourse formations: Essays on comparative rhetoric*. Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'. (In Russ.).
17. Chernyavskaya, V. E. (2021). *Text and social context: sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation*. Lenand. (In Russ.).
18. Blommaert, J. (2005). *Discourse. A critical introduction*. Cambridge University Press.
19. Duranti, A. (1985). Sociocultural dimensions of discourse. In T. A. van Dijk (Ed.). *Handbook of discourse analysis*. Vol. 1, 193–230. Academic Press.
20. Fairclough, N. (1992). Discourse and text: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis. *Discourse and Society*, (3), 192–217.
21. Schiffrin, D. (1994). *Approaches to discourse*. Oxford University Press.
22. Slembrouck, S. (2019). Discourse analysis. *The Routledge Handbook of Linguistic Ethnography* (p. 28–39). K. Tusting (Ed.). Routledge.
23. Osipov, G. V. (Ed.). (1995). *Encyclopedic Sociological Dictionary*. Institute of Socio-Political Research. (ESS). (In Russ.).
24. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (2005). *Language and culture. Three linguistic concepts of foreign studies: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema*. Indrik. (In Russ.).
25. Oksaar, E. (1988). *Kulturemtheorie: ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung*. Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften.
26. Vezhbitskaya, A. (2011). *Semantic universals and basic concepts*. Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
27. Dementiev, V. V. (2024). *Integral description of speech genres*. Sarat Publishing House. The university. (In Russ.).
28. Galperin, I. R. (1981). *Text as an object of linguistic research*. Nauka. (In Russ.).
29. Dementyev, V. V. (2006). *Indirect communication*. Gnozis. (In Russ.).
30. Denisenko, V. N. (2010). Modeling of the language system in the aspect of linguistic personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, (1), 6–12. (In Russ.).
31. Karaulov, Yu. N. (2010). *The Russian language and linguistic personality*. 7nd ed. Publishing house of LKI. (In Russ.).
32. Pushkin, A. A. (1990). Method of discourse organization and typology of linguistic personalities. *Language, discourse, and personality* (p. 50–59). TSU. (In Russ.).

33. Sukhov, S. A. (1988). *The pragmalinguistic dimension of the communicative process* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.01. Un-t «ME`GU-Krasnodar»]. ПГБ. (In Russ.).
34. Karasik, V. I., & Dmitrieva, O. A. (2005). Linguistic and cultural type: towards the definition of the concept. *Axiological linguistics: Linguistic and cultural types* (p. 5–25). Collection of scientific works. Paradigma. (In Russ.).
35. Motorina, N. V. (2014). *Linguistic and cultural scripts of traditional communicative behavior in Russia and England* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Volgogradsk. gos. social'no-ped. un-t]. RSL. (In Russ.).
36. Sternin, I. A. (2001). *Introduction to speech impact*. Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (In Russ.).
37. Beilinson, L. S. (2009). *Professional discourse: signs, functions, norms*. Monograph. Peremena. (In Russ.).
38. Mityagina, V. A. (2007). *Sociocultural characteristics of communicative action*. Monograph. Izdatel'stvo VolGU. (In Russ.).
39. Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action*. Vol. 1. Reason and the rationalization of Society. Heinemann.
40. Vikulova, L. G., & Korolenko, O. I. (2018). Academic discourse: a diachronic vector of communication practice of the XVII–XVIII centuries (France). *Discourse as a universal matrix of verbal interaction* (p. 133–160). O. A. Suleymanova (Ed.). Lenand. (In Russ.).
41. Golovanova, E. I. (2013). Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: Correlation of concepts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(292). *Filologiya. Iskuststvovedenie*. Issue. 73, 32–35. (In Russ.).
42. Kazachkova, M. B. (2010). *Professional language as a reflection of professional culture*. Monograph. OGI. (In Russ.).
43. Suleymanova, O. A. (2018). Academic discourse as a continuous dialogue with Another. *Discourse as a universal matrix of verbal interaction*. O. A. Suleymanova (Ed.). Lenand. (In Russ.).
44. Bally, S. (1955). *General linguistics and issues of the French language*. (E. V. and T. V. Ventzel, transl.; R. A. Budagov, ed., intro. article and notes). Izdatel'stvo inostrannoj literatury`. (In Russ.).
45. Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2014). Pragmatimes in oral everyday speech: definition of the concept and general typology. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. Issue 3(27), 7–20. (In Russ.).
46. Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhilina, E. V. (1993). *A guide to discursive words of the Russian language*. Pomovskij i partnery`. (In Russ.).
47. Borisova, E. G. (2021). Discursive markers in the text as a sign of dialogicity. *The anthropological turn: theories and practices* (p. 18–25). Collection of works. International scientific conference. (In Russ.).
48. Kamensky, M. V. (2014). *Discourse markers: a cognitive-discursive approach*. Monograph. Izdatel'stvo SKFU. (In Russ.).
49. Krassa, S. I. (2006). Discursive and incomplete words. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, (4), 31–34. (In Russ.).
50. Pravikova, L. V. (2000). Discourse markers: the current state of the problem. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, (4), 22–34. (In Russ.).

51. Pervukhina, S. V. (2014). *Structural-semantic and discursive-pragmatic characteristics of the adapted text*. Monograph. RGUPS. (In Russ.).
52. Karasik, V. I. (2025). *Linguistic pictures of being*. Monograph. Gnozis. (In Russ.).
53. Abieva, N. R. (2023). Linguistic and pragmatic features of the online discourse of an English teacher: the stage of discovering new knowledge. *Cognitive Studies of Language*, 4(55), 167–170. (In Russ.).

Информация об авторе

Владимир Ильич Карасик — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина.

Information about the author

Vladimir I. Karasik — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.